

В. А. Кляус

**УКАЗАТЕЛЬ
СЮЖЕТОВ И СЮЖЕТНЫХ СИТУАЦИЙ
ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ
ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН**

БИБЛІОТЕКА
БІБЛІОТЕКА
(бібліотека)
498.24497
683
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ПРЕДСЛОВИЕ

2-го 3622
983

В. Л. Кляус

**УКАЗАТЕЛЬ
СЮЖЕТОВ И СЮЖЕТНЫХ СИТУАЦИЙ
ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ
ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН**

Москва

“НАСЛЕДИЕ”

1997

398.204917

К 68и

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XIX-XX столетиях фольклористы славянских стран собирали огромное количество произведений устного народного творчества, и этот фонд постоянно пополняется. Современные исследователи в своих работах стремятся использовать максимальное число известных им текстов, так как это дает возможность представить объективную картину истории их возникновения, эволюции и бытования. В связи с этим систематизация фольклорного материала приобретает все более важное значение.

Начальные попытки систематизации заговорно-заклинательных текстов были предприняты еще в середине XIX веке, в первых сборниках-антологиях этого жанра. В "Великорусских заклинаниях" Л. Н. Майкова все заговоры разделены на восемь групп по признаку использования текста в той или иной сфере жизни человека: 1. Любовь; 2. Брак; 3. Здоровье и болезни; 4. Частный быт; 5. Промыслы и занятия; 6. Общественные отношения; 7. Отношение к природе; 8. Отношение к сверхъестественным существам. Внутри этих групп тексты распределяются на подгруппы по функциональным различиям. К примеру, в группе "Любовь" выделены "Заговоры приворотные, присушки и любжи" и "Остуды, отсушки", в группе "Брак" — "Девичьи приговоры для привлечения женихов", "Когда сваху посылают засватывать избранную невесту", "Когда сваха идет на сватовство", "При проводах жениха", "При проводах невесты" и другие.

Таким образом, Л. Н. Майков предложил классификацию русских заговоров на основе тематико-функционального признака. Эта классификация проста, понятна и удобна для публикаций, особенно тогда, когда даются большие массивы текстов. Она с небольшими изменениями часто использовалась и используется до сих пор многими исследователями заговорно-заклинательных текстов.

Л. Н. Майков указал на возможность еще одного распределения заговоров: по вариантам. В своем сборнике внутри подгрупп составитель располагал сходные между собой тексты последовательно друг за другом и делал ссылки на подобные тексты в других изданиях. Подбирая варианты, Л. Н. Майков опирался на содержание заговоров, находя в них общее в сюжетах и мотивах. По его мнению, варианты "заслуживают внимания для разъяснения истории заклинаний" [Майков, с. 420].

Мысль о необходимости систематизации заговорной поэзии занимала А. В. Ветухова. Рассмотрев классификации русских, украинских и европейских исследователей, он предложил следующее решение проблемы: "Мне думается, что для удобства обследования материала можно распределить его по наичаще встречающимся ... названиям болезней, ... а в этих крупных отделах попытаться установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его

формальной стороной ... и психологическими основаниями возникновения и эволюции заговора" [Ветухов, 1902, N 1-2, с. 205]. Разделяя тексты на группы (от сглаза, от крови, от зубной боли, от "болезней реже встречающихся": антический огонь, бешиха, бородавки, веснушки, видмен, волос и т. д. по алфавиту), А. В. Ветухов применил функциональный признак. Внутри групп А. В. Ветухов попытался расположить тексты в соответствии с их эволюцией, а точнее так, как он ее представлял. Основным признаком, из которого он исходил, было наличие/отсутствие в тексте христианских элементов. При этом автор писал: "Конечно, было бы крайне желательно расположить весь материал по ... внутреннему признаку, ... но при современном подборе материала и состоянии его разработки, я не признаю себя в силах выполнить эту чересчур сложную задачу" [там же, с. 206].

Работа А. В. Ветухова, хотя и имеет ряд серьезных недостатков, незаслуженно забыта. Это было первое исследование, в котором в большом объеме систематизировались заговорные тексты всех славян и привлекался материал других народов (немцев и греков).

Попытка повторения и осмыслиения опыта А. В. Ветухова практически не было. Из исследователей XIX — начала XX века к нему обращался только Н. Ф. Познанский. В монографии "Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул" он подвергнул работу А. В. Ветухова острой критике и указал, что "внутренний признак", который не мог найти А. В. Ветухов, определил немецкий ученый О. Эберман. "Его труд, — писал Н. Ф. Познанский, — не простой сборник, а *систематическое* (курсив наш — В. К.) расположение и сравнение формул по разрабатывающимся в них мотивам. В основу каждого мотива автор кладет древнейшую сохранившуюся редакцию, а потом следуют позднейшие редакции и варианты" [Познанский, с. 108]. Опираясь на опыт работы О. Эбермана, Н. Ф. Познанский делает вывод, что "на основании ... общих мотивов и должно строить научную классификацию. Пока только одна она может дать надежный подбор материала для изучения заговоров. Но она требует и более осторожного к себе отношения, чем другие классификации" [там же, с. 112]. Н. Ф. Познанский и сам попытался в какой-то мере осуществить то, что не удалось сделать его предшественникам в России. Четвертой главой его книги можно пользоваться как указателем (конечно, далеко не полным) мотивов и сюжетов заговорных текстов. При этом характерно, что, как и А. В. Ветухов, Н. Ф. Познанский обращался не только к восточнославянскому материалу, но и фольклору других славян, романских и германских народов.

Дореволюционная русская фольклористика проделала огромную работу в исследовании заговорной поэзии. Но изучение этого жанра в России в ХХ веке на том уровне, как изучались, к примеру, лирическая песня, сказочный или былинный эпос, долгое время было невозможным. Только немногие ученые — А. М. Астахова, Ю. М. Соколов, П. Г. Богатырев — писали о заговорах в учебной и научной литературе. В 60-70-х гг. появлялись отдельные работы, но переломным стали 80-е годы. В последнее десятилетие опубликовано много новых сборников текстов и специальных исследований, посвященных заговорной поэзии [Агапкина, Топорков; Барташевич, 1990; Виноградова, 1993; Головачева-

ва; Свешникова, 1993; Свешникова, 1995; Толстой, 1984; Толстой, Толстая; Топоров, 1991; Топоров, 1993; Топорова; Усачева; Харитонова. 1992; Харитонова, 1995 и др.]. В них разрабатываются самые разнообразные проблемы: классификация, эволюция жанра, его архаические индоевропейские корни, характер отдельных этнических и локальных традиций, особенности стихосложения заговорных текстов, их обрядовая магическая функция, в некоторых существуют указатели персонажей, предметов заговорных текстов.

Что касается вопроса о систематизации, он продолжает оставаться открытым.

Систематизация, на наш взгляд, должна быть в большей степени инструментом исследования, а не работой, имеющей только прикладной справочный характер. Из существующих в настоящее время указателей по славянскому фольклору целесообразно выделить указатель сюжетов и версий восточнославянских баллад Ю. И. Смирнова [Смирнов, 1988].

К проблеме систематизации Ю. И. Смирнов обращался неоднократно, акцентируя значение следующих рабочих правил:

1. Учитывать предельно большое число достоверных записей.
2. Исходить из реального содержания текстов и их элементов.
3. Последовательно придерживаться принятого уровня (сюжетного, мотивного и др.).
4. Строить открытую систему, способную включать все, почему-либо пропущенное.

Опираясь на эти правила, Ю. И. Смирнов составил свой указатель. Его работа — это не только справочник по сюжетным типам, версиям и вариантам восточнославянских баллад и близких к ним песенных форм, но и исследование, показывающее эволюционные связи балладных сюжетов. В этом же ключе построены указатели kleftских песен Н. Л. Ручкиной [Ручкина], быличек о мифическом любовнике Н. К. Козловой [Козлова], подготовленных под руководством Ю. И. Смирнова.

Материалом настоящего "Указателя" послужили заговорные традиции восточных и южных славян. Обращение именно к этим народам объясняется не только единство их происхождения, но и близостью исторических судеб, давними научно-исследовательскими интересами к этому жанру народного творчества в России и южнославянских странах. Западнославянский материал не использовался в первую очередь потому, что отсутствуют или нам оказались недоступны крупные презентативные сборники и собрания польских, чешских и словацких заговорных текстов.

Основными источниками по заговорным текстам восточных славян для нас были ставшими уже классическими сборники Л. Н. Майкова, П. С. Ефименко, Н. Н. Виноградова, Г. И. Попова (русские), Е. Р. Романова, В. Н. Добровольского, П. В. Шейна (белорусы), П. П. Чубинского, П. С. Ефименко (украинцы), публикации из Восточной Сибири и Забайкалья¹. Учтены также издания по-

¹ Не рассматривались и не принимались во внимание тексты молитвенного характера, имеющие письменную природу.

следних лет, которые ввели в научный оборот новый достоверный материал, сборники, составленные А. А. Ивановой, Ю. И. Смирновым и В. Н. Ильинской, А. Б. Адоньевой и О. А. Овчинниковой (записи из Архангельской, Вологодской и Кировской областей). Особенno значительным по количеству опубликованных новых текстов (более 700), является белорусский сборник "Замовы", подготовленный Г. А. Барташевич.

Болгарский и македонский материал учитывался по серии "Сборник за народни умотворения и народопис", журналу "Радопски напредък", а также по различным периодическим изданиям последних лет. Из югославских публикаций использовалось собрание Л. Раденковича "Народне басме и бајања", наиболее репрезентативно представляющее как новые, так и старые записи текстов сербскохорватского языкового региона [Раденкович, с. 5]. Хочется отметить, что все современные публикации показывают: заговорная поэзия продолжает активно бытовать и у восточных, и у южных славян.

В большинстве существующих указателей, систематизирующих тексты различных жанров народного творчества [СУС; Айвазян; Зиновьев; Астафьева; Смирнов, 1988 и др.], в качестве основной единицы систематизации берется сюжет, ибо он несет основную информацию о событиях и действиях героев.

Сюжет в фольклорных произведениях (если, конечно, его фиксация не единична) выявляется в сравнении и сопоставлении множества текстов одного жанра. При этом говорить необходимо не о сюжете вообще, а о "сюжете сказки", "эпическом сюжете", "сюжете легенд и преданий", "сюжете баллады", "сюжете лирической песни", "заговорном сюжете", то есть о сюжете определенного фольклорного жанра или жанровой разновидности, который характеризуется, с одной стороны, признаками общими для фольклорного сюжета в целом, с другой — рядом признаков, присущих сюжету произведения определенного жанра.

Исследователи заговоров и заклинаний, рассматривая особенности построения и структуры заговорных текстов, давно обратили внимание на разнообразие их форм: наряду с небольшими по объему вокативными, диалоговыми или построенными по формуле подобия "как происходит это, так происходит то", существуют достаточно обширные тексты, имеющие развитое повествование и ярко выраженный сюжет. Под заговорным сюжетом мы понимаем действия персонажей в определенном месте и обстоятельствах.

Сюжет, как известно, сложное образование, в природе которого еще много неясного. В заговорных текстах, как и в других повествовательных, нарративных жанрах, рассказывается о действиях, описываются действия персонажей. В качестве персонажей могут выступать люди, светила, явления природы, стихии, мифологические существа, представители христианского пантеона, звери, птицы, рыбы, насекомые и даже обычные предметы быта и окружающего мира. Связь между персонажами и их действиями вслед за В. Я. Проппом обычно рассматривается следующим образом: действия, поступки персонажей являются постоянными элементами фольклорного сюжета, в то время как сами персонажи, их образы — величина переменная, а потому они менее важны в повествовании.

Мысль о том, что не только действие определяет повествование в фольклорных текстах, уже высказывалась в научной литературе. Так, К. Бремон отмечал в статье, посвященной структурному изучению повествовательных текстов В. Я. Проппа, что "у Проппа были все основания считать поступки персонажей, приводящие в движение сюжет "составными частями", необходимыми для структуры рассказываемой истории. Тем не менее современные исследования приводят к выводу о необходимости градуального включения и других элементов. Исключение из рассмотрения понятия персонажа, его мотивировок и т. п. представляется все менее и менее приемлемым" [Бремон, с.432].

Действительно, в заговорном сюжете кроме персонажа и совершающего им действие важная роль принадлежит и другим элементам повествования. В русской фольклористике уже есть опыт анализа повествовательной системы фольклорного текста через героя, его антипода, их действий, мест, обстоятельств действий. [Смирнов, 1968].

Для описания заговорного сюжета, в отличие от эпического, достаточно четырех элементов: персонаж (Π), его действие (D), место действия (M), объект действия (O) — они находятся во взаимосвязи друг с другом, играя важную роль в организации повествования заговорных текстов. Каждый из этих элементов неделим.

На наш взгляд, любую пару повествовательных элементов в заговорном тексте можно определить как заговорный мотив и, выстраивая их в цепочку П-Д-М-О, описывать заговорный сюжет [Кляус, 1994].

Заговорный сюжет по своему характеру отличается от сюжетов других фольклорных жанров, в первую очередь от эпических (былины, сказки и др.). Так, одной из его особенностей является элементарность, "неразвитость". Поэтому в некоторых случаях мы имеем право говорить о "сюжетных ситуациях", которые обычно понимаются как "неразвитые" сюжеты. Отделять сюжеты и сюжетные ситуации в заговорах друг от друга нецелесообразно, границы между ними прозрачны, часто отдельные сюжеты и сюжетные ситуации эволюционно связаны между собой. Отличаются они друг от друга более (сюжет) и менее (сюжетная ситуация) развитым действием, что зависит нередко не только от эволюционных изменений, но и от манеры, характера и обстоятельств исполнения заговорных текстов носителями традиций.

Заговорная поэзия — не аморфное и хаотическое образование. Она представляет собой устойчиво структурированную систему, которую ощущают сами носители, разделяя заговоры, прежде всего, на "черные" и "белые". Это "народное" деление восходит к одной из основных культурных оппозиций: добро/ зло. В центре заговорной поэзии, как и любого другого вида народного искусства находятся человек и его жизнь, поэтому, действительно, все заговорные тексты можно выделить в две группы по признакам "нанесение зла" и "уничтожение зла" (или иначе — "отнятие" и возвращение добра). Но такое разграничение верно лишь с точки зрения функциональной направленности. Внутренне заговорная поэзия едина — тексты обеих групп построены на единых принципах, обладают одинаковостью структурных форм, сюжетов, мотивов, образов.

Внутренним признаком, позволяющим проделать систематизацию заговорных сюжетов, являются действия персонажей: объединяя по семантическому значению в "темы", их можно представить в виде двух больших групп (обозначаются латинскими буквами А и В), противопоставленных одна другой. Уместно говорить об оппозиционной связи между обеими группами, хотя противоположность сюжетов первой группы сюжетам второй не является абсолютной.

Группа А.

А1. ВЫНИМАЮТ. УНИМАЮТ. ОТНИМАЮТ. ВЫТАСКИВАЮТ. БЕРУТ. ЗАБИРАЮТ. ОТБИРАЮТ. УНИЧТОЖАЮТ. ОТНОСЯТ. ОТВОЗЯТ.

А2. СДУВАЮТ. ВЫДУВАЮТ. СНОСЯТ. СМЕТАЮТ. ВЫМЕТАЮТ. СМАХИВАЮТ. ОЧИЩАЮТ.

А3. УПЛЫВАЮТ. СТЕКАЮТ. СМЫВАЮТ. ОБМЫВАЮТ. МОЮТ. УМЫВАЮТ. ПАРЯТ. КРАПЯТ. КУПАЮТСЯ.

А4. ПОЕДАЮТ. СЪЕДАЮТ. ЕДЯТ. КОРМЯТ. ЗАГРЫЗАЮТ. ГРЫЗУТ. КУСАЮТ. КЛОЮТ. ВЫДИРАЮТ. ВЫСКРЕБАЮТ. СРЫВАЮТ. РАЗРЫВАЮТ. ХВАТАЮТ. СОСУТ. ЛАКАЮТ. ЛИЖУТ. СЛИЗЫВАЮТ. ОБЛИЗЫВАЮТ. ВЫПИВАЮТ. ПЬЮТ. ЦЕЛУЮТ. КУШАЮТ.

А5. РЕЖУТ. ОТРЕЗАЮТ. РАЗРЕЗАЮТ. СЕКУТ. ОТСЕКАЮТ. ВЫСЕКАЮТ. КОЛЮТ. ЗАКАЛЫВАЮТ. РУБЯТ. ИЗРУБАЮТ. ОТРУБАЮТ. ПИЛЯТ. ОТКАПЫВАЮТ. РАЗБИВАЮТ. РАСКАЛЫВАЮТ. РУБЯТСЯ. СЕКУТСЯ. УДАРЯЮТ. РАСПИНАЮТ. РАЗРУБАЮТ. НЕ ЗНАЮТ БОЛИ. НЕ БОЛЕЮТ.

А6. ОТСТРЕЛИВАЮТ. СТРЕЛЯЮТ. ВЫБИВАЮТ. БЬЮТ. ВЫГОНЯЮТ. ГОНЯТ. ВЫКОЛАЧИВАЮТ. БОДАЮТ. КРЕСТЬЯТ. ПЕРЕКРЕЩИВАЮТ. ВЫСЫЛАЮТ. ВЫПУСКАЮТ. РАЗНОСЯТ. УНОСЯТ. ОТВОДЯТ. УВОДЯТ. ОТПРАВЛЯЮТ. УХОДЯТ. ВЫХОДЯТ. РАСХОДЯТСЯ. БРОСАЮТ. ДАЮТ КАМЕНЬ ПОД ГОЛОВУ. ПЕРЕСЕЛЯЮТСЯ. МЕЧУТСЯ. РАЗЛУЧАЮТ. РАЗВОДЯТ. ВЫДАЮТ (НЕ ПРИНИМАЮТ).

А7. НАПАДАЮТ. СОКРУШАЮТ. ПОБЕЖДАЮТ. СРАЖАЮТСЯ. ГИБНУТ. НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ВОЮЮТ. БЬЮТСЯ.

А8. ВЫГОВАРИВАЮТ. ЗАГОВАРИВАЮТ. УГОВАРИВАЮТ. ШЕПЧУТ. ДАЮТ "СЛОВО". МОЛЯТ. ЧИТАЮТ. ПИШУТ. ПОЮТ.

А9. УМЕНЬШАЮТСЯ. ИСЧЕЗАЮТ. КАЖУТСЯ. ПРЕВРАЩАЮТСЯ.

А10. ОТМЫКАЮТ. ОТПИРАЮТ. ВЫПУСКАЮТ. ОТКРЫВАЮТ. ЛОМАЮТ ЗАМКИ. ОТВОРИЯЮТ.

А11. ПУСКАЮТ ВОДУ. ПРОЛИВАЮТ. РАЗЛИВАЮТ. ОПРОКИДЫВАЮТ.

А12. ЛОМАЮТ. СВИХИВАЮТ. РВУТСЯ. СРЫВАЮТСЯ. ЛОПАЮТСЯ. РАЗБИВАЮТСЯ. РАССЫПАЮТСЯ. РАСКАЛЫВАЮТСЯ. ТЕРЯЮТ. ПАДАЮТ. СКИДЫВАЮТ. РАЗБЕГАЮТСЯ. РАСКАТЫВАЮТСЯ. СБРАСЫВАЮТ.

А13. ИЩУТ РАСТЕНИЕ. НЕСУТ ТРАВУ. ДАВЯТ ПОЛЕ. СОБИРАЮТ РАСТЕНИЕ. САДЯТ РАСТЕНИЕ, ЧТОБЫ СОБИРАТЬ. РУБЯТ ДЕРЕВО.

А14. СТУДЯТ ЧЕЛОВЕКА. ГАСЯТ ОГОНЬ. НЕ РАСКИДЫВАЮТ ИСКР. НЕ ЖГУТ.

А15. ДЕРУТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ. НЕ СХОДЯТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ. НЕ ДЕРЖАТСЯ НА ЧЕМ-ЛИБО. СКАТЫВАЮТСЯ С ЧЕГО-ЛИБО.

А16. БОЯТСЯ. ПУГАЮТ. ПОВЕЛЕВАЮТ. ПОКЛОНЯЮТСЯ.

Группа В.

В1. ДАЮТ. ЗАБИРАЮТ ОДНО — ДАЮТ ДРУГОЕ. ВЫНИМАЮТ У ОДНОГО — ВКЛАДЫВАЮТ ДРУГОМУ. ОТНОСЯТ ОДНО — ПРИНОСЯТ ДРУГОЕ. ПРИНОСЯТ. ВНОСЯТ. НЕСУТ. КЛАДУТ. ВКЛАДЫВАЮТ. НАВЕВАЮТ. НАДУВАЮТ. ДАРЯТ. ВХОДЯТ. ВОЗВРАЩАЮТ.

В2. ЖДУТ. ОЖИДАЮТ. ПОДЖИДАЮТ. ЗОВУТ. ПРИГЛАШАЮТ. ТРЕБУЮТ. КОРМЯТ.

В3. ПОСЫЛАЮТ. ПРИСЫЛАЮТ. СГОНЯЮТ. ГОНЯТ. ПРИГОНЯЮТ. ПРИВОДЯТ. МУЧАЮТ, ЧТОБЫ ПРИШЕЛ. НАНОСЯТ. ОТПУСКАЮТ. СЛЕТАЮТСЯ. ПРИХОДЯТ. ВХОДЯТ.

В4. НЕ ПЬЮТ. НЕ КУСАЮТ. НЕ СЪЕДАЮТ. ЕДЯТ НЕ СЪЕДОБНОЕ. НЕ ДОСТАЮТ. НЕ ВИДЯТ. НЕ СНИМАЮТ. НЕ МОГУТ ВЗЯТЬ. НЕ УБИВАЮТ. НЕ ПОГИБАЮТ. НЕ СТРЕЛЯЮТ.

В5. ЗАШИВАЮТ. ШЬЮТ. ВЫШИВАЮТ. НЕ УМЕЮТ ШИТЬ — ЛЕЧАТ. ПРЯДУТ. МОТАТ. ЗАМАТЫВАЮТ. ЧЕШУТ ШЕРСТЬ. СПЛЕТАЮТ. ТКУТ. ВЬЮТ. СВИВАЮТ ОБРУЧИ. ОДЕВАЮТ ПОВЯЗКИ. СВЯЗЫВАЮТ. ЗАСЫПАЮТ. ЗАТЫКАЮТ.

В6. ЗАМЫКАЮТ. ЗАКРЫВАЮТ. ЗАКРЫВАЮТСЯ. ПОКРЫВАЮТ. ЗАПИРАЮТ. НЕ ПУСКАЮТ. СТАВЯТ ТЫН. ЗАГОРАЖИВАЮТ. ОГОРАЖИВАЮТ. СТРОЯТ ТЮРЬМУ. СТАВЯТ ЛОВУШКИ. НЕ ДАЮТ ПРОЙТИ. ОХРАНЯЮТ. СТЕРЕГУТ. ЗАЩИЩАЮТ.

В7. УДЕРЖИВАЮТ. НЕ ПУСКАЮТ. ОСТАНАВЛИВАЮТ. НЕ ТЕЧЕТ.

В8. СОСТАВЛЯЮТ. ЛОМАЮТ — СКРЕПЛЯЮТ. НЕ ЛОМАЮТ. УСТАНАВЛИВАЮТ.

В9. НЕ ГНУТСЯ. НЕ ВАЛЯЮТСЯ. НЕ РАЗБИВАЮТСЯ.

B10. НЕ МОГУТ СДЕЛАТЬ. НЕ МОГУТ СОБРАТЬ. НЕ МОГУТ ПОСЧИТАТЬ. НЕ МОГУТ НАВРЕДИТЬ.

B11. САЖАЮТ — НЕ РАСТЕТ. НЕТ ПЛОДА.

B12. СУШАТ. ПРИСУШИВАЮТ. ВЫСУШИВАЮТ. ЗАСУШИВАЮТ. ПРИПЕКАЮТ. СПЕКАЮТ. РАСПЕКАЮТ. ВЫЖИГАЮТ. ЖГУТ. ОДЕВАЮТСЯ ТЕМ, ЧТО ЖЖЕТ. СИЯЮТ. ТАЮТ. ПЕРЕСЫХАЮТ РЕКИ. СОХНУТ. УМЫВАЮТСЯ В ОГНЕНОЙ ВОДЕ. КИПИТЯТ. ГОРЯТ. ИДУТ В ОГОНЬ. БРОСАЮТ В ОГОНЬ. НЕ МОКНУТ.

B13. УКРАШАЮТ. РАДУЮТСЯ. СМОТРЯТ НА ТО, ЧТО РАДУЕТ. ПОКАЗЫВАЮТ.

B14. СОБЛАЗНЯЮТ. ОБОЛЬЩАЮТ. ЛЮБЯТ. СВАТАЮТ. ВЫХОДЯТ ЗАМУЖ. РОДНЯЮТСЯ. БРАТАЮТСЯ. ПЛАЧУТ. СОЕДИНЯЮТСЯ.

B15. ОБХВАТЫВАЮТСЯ. ОБВИВАЮТСЯ. ВЫЮТСЯ. ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ. СКЛАДЫВАЮТ ВМЕСТЕ. ДЕРЖАТСЯ. НЕ МОГУТ ЖИТЬ БЕЗ ЧЕГО-ЛИБО. НЕ ШЕВЕЛИТСЯ. НЕ ВЫХОДИТ. НЕ ПЕРЕХАЖИВАЕТ. НЕ ПЕРЕДВИГАЕТСЯ. НЕ ОЖИВАЕТ. НЕ ДВИГАЕТСЯ. НЕ ВСТАЕТ. НЕ ГОВОРИТ. НЕ ДУМАЕТ. НЕ КАРКАЕТ. НЕ ПОЕТ.

Для первой (A) группы характерно направление действий, которое в самом общем значении можно обозначить как "уничтожение", для второй (B) — "создание". Оппозиционность — один из характерных признаков заговорной поэзии, что проявляются на самых различных уровнях: функциональном, окказиональном, на уровне текста — в мотивах, сюжетах (сюжетных ситуациях) и других повествовательных элементах. Выделенные нами оппозиции сюжетных тем также показывают это. Сравнивая их с обыденным разделением заговорных текстов на "черные" и "белые", нельзя сказать, что одному члену тематической оппозиции соответствует только категория "нанесения зла", а другой — "удаления зла". Среди сюжетов заговоров, входящих в какую-либо тематическую оппозицию, можно встретить относящиеся к той, и к другой категориям. К примеру, "закрыть", "замкнуть" можно рану, чтобы не текла кровь, но "закрыть", "замкнуть" можно и жизненно важные органы человеческого тела. Мифологические существа, животные могут съесть болезни, но они могут и напасть на человека, "есть" его, отчего он будет болеть.

В сюжетных темах выражены только самые общие значения действий персонажей в заговорном сюжете. К примеру, "отбирают", "вынимают", "съедают". Общее значение действия, которое отражает один из членов оппозиционной пары, является некой абстракцией. Более конкретным, и уже точнее отражающим функциональную направленность заговорных текстов, значение становится при выяснении объекта действия.

В нашей системе на каждое действие не всегда обнаруживается строго противоположное действие, т.е. другой член оппозиции. Объясняется это, на наш взгляд, сложным функционированием системы заговорной поэзии, и в то же

время — ограниченным количеством имеющихся записей. Теоретически можно предположить, что если бы мы обладали записями всех когда-либо существовавших заговорных текстов, то каждому заговорному сюжету (а следовательно, и описанному в нем действию персонажа), нашелся бы точно противоположный заговорный сюжет (с противоположным действием). Подтверждением этого предположения может быть существование "зеркальных" пар заговорных текстов, в которых тексты полностью повторяют друг друга построением, образной системой и отличаются только совершенно противоположными действиями персонажей и функциональным назначением. Отсутствие некоторых действий как членов оппозиции может объясняться и тем, что в народной магии, куда входит заговорная поэзия, большая роль отводилась не только словам, но и обрядовым действиям, которые сопровождали произнесение текста, а иной раз и вообще существовали совершенно самостоятельно. В магическом обрядовом акте слово и действие равноправны и равноценны. Поэтому поиск отсутствующих в оппозиции, неучтенных указателем сюжетных действий может быть плодотворным и при исследовании акционального компонента.

При составлении "Указателя" мы стремились к его открытости, чтобы в нем было "зарезервировано" место для любого нового сюжета (сюжетной ситуации), ее варианта, редакции или версии, и чтобы включение нового материала не разрушало систему, а, наоборот, дополняло и укрепляло ее.

Для закрепления принципа открытости "Указателя" мы отказались от сплошной порядковой нумерации. При этом, исходя из того, что конкретные сюжеты (сюжетные ситуации) определяют построение системы, а не система — расположение выделенных сюжетов, обозначение каждого конкретного сюжета (сюжетной ситуации) идет от частного к общему. К примеру, 1/VI.2.7/A5., где 1 — номер редакции; VI.2.7 — номер сюжета (VI.2) и его версии (7, в некоторых случаях сюда может добавляться и буква: 7a); A5 — номер сюжетной темы. Варианты цифрами не обозначены, они или помещаются рядом под одним номером редакции, или, если содержат буквальные совпадения, описываются один раз.² Всего выделено 981 заговорных сюжетов в 1804 версиях и 3545 редакциях. Заголовки имеют только версии сюжетов. Сюжеты могут быть широко известны, иметь десятки версий, редакций и вариантов, а могут иметь и уникальный характер, быть зафиксированными лишь в одной версии, представленной в одной редакции и единственном варианте.

В заговорных текстах, в основном записанных на протяжении двух последних веков, отражаются различные, порой очень архаичные этапы развития сюжетов. Поэтому одну из задач при составлении "Указателя" мы видели в показе эволюционных связей между сюжетами, их версиями, редакциями, вариантами. Сюжеты, эволюционно связанные между собой, имеют одну латинскую цифру или располагаются в "Указателе" рядом, либо снабжаются взаимными ссылками.

² Такие нумерация и расположение, на наш взгляд, делает систему гибкой и подвижной. При необходимости в "Указателе" можно переставлять местами версии сюжетов, сюжетные темы, тематические оппозиции, и это не приведет к его разрушению в целом.

ми. Речь в данном случае идет не о построении "эволюционных сюжетных цепочек", сложной и неоднозначно решаемой проблеме, а в раскрытии "эволюционного поля" сюжетов, по которому видно, что сюжеты сходны между собой. Характер этого сходства и возможная направленность эволюции должны решаться при более детальном исследовании [Кляус, 1995].

По "Указателю" можно проследить лишь отдельные этапы эволюции заговорных сюжетов. Как и для фольклорной сюжетики в целом, им свойственна смена персонажей при относительной неизменности действий и обстоятельств. Нельзя не заметить, что мифологические герои, персонажи или стихии сменяются более поздними христианскими. Поэтому в "Указателе" сюжеты с Христом, Богородицей, святыми обычно стоят после эволюционно предшествующих им сюжетов с персонажами первого типа.

Расположение сюжетов в том порядке, в каком они представлены в "Указателе", является, на наш взгляд, наиболее оптимальным, но не единственным возможным. Нам приходилось опробовать немало сочетаний, прежде чем прийти к какому-то одному решению. Думается, такие поиски сочетаемости, последовательности сюжетов могут идти сколь угодно долго, особенно при внесении в "Указатель" нового материала. Действия персонажей при этом, конечно, — основной, но не единственным критерий расположения сюжета в системе "Указателя". В наиболее сложных, а потому, может быть, особенно интересных случаях, учитывались также эволюционно близкие сюжеты, характер персонажей, их атрибутики локусов совершаемых действий и объекты действий.

Для того чтобы сюжеты (сюжетные ситуации) "Указателя" выглядели единообразно, при их пересказе мы придерживались следующих правил:

1. Действия персонажей по преимуществу описаны в настоящем времени. Перед обращением к заговорному персонажу, в котором в заговорном тексте говорится о его будущих, желаемых действиях, стоит звездочка: *. При пересказе сюжета эти действия также даны в настоящем времени.

2. Как правило не употребляются прилагательные и числительные.

3. Нелитературные формы и необычные имена персонажей, неясные и своеобразные слова заговорных текстов, а также слова с переносным значением взяты в кавычки.

4. Отсутствующие, не отраженные по каким-либо причинам, с нашей точки зрения, фрагменты сюжета в тексте даны в квадратных скобках: [].

5. Названия болезней при описании сюжетов, как правило, заменяется словом "болезнь".

6. Слово "заговаривающий" во всех формах имеет сокращение заг.

Выбранная нами методика пересказа, описания заговорного сюжета (сюжетной ситуации) не является идеальной, она не отражает все элементы заговорного текста, а какие-то из них и сознательно опускает. Сложность состоит в том, что иноязычные тексты предварительно переводились на русский язык. Видимо, прав был А. В. Ветухов, публикуя в своей работе тексты на языке оригинала без каких-либо купюр. Возможно это и является наиболее верным решением проблемы, но в таком случае наш "Указатель" превзошел бы все

мыслимые объемы. Исследователи могут, используя данный вариант "Указателя", обращаться непосредственно к самим текстам.

В скобках после сюжета (сюжетной ситуации) даны сведения об источнике. Если текст публиковался несколько раз, то сначала описывается первая оказавшаяся нам доступной публикация, последующие даны в скобках. Далее указывается место записи (по наиболее общему административному делению на момент записи) и функциональное назначение заговорного текста. К сожалению, в сборнике Л. Раденовича места записи заговорных текстов не указаны, но некоторые нам удалось установить по названиям первоисточников.

Определенная трудность была и в адекватном переводе функционального назначения южнославянских заговорных текстов. В тех случаях, когда невозможно было понять, о какой болезни идет речь, оставлялось ее название без перевода или давался описательный перевод. Если в русском языке названию болезни или какому-либо явлению находился близкий аналог, то он нами использовался.

Пометка рук. показывает, что заговор былован в рукописном виде.

Пометка к. с последующими за ней номерами сюжетов (сюжетных ситуаций) указывает, что данный сюжет в заговорном тексте контаминаируется с другими сюжетами (сюжетными ситуациями).

Фольклор — живая система, ее невозможно описать в жестких рамках. Связи между сюжетами (сюжетными ситуациями) часто требуют такого отображения, которое трудно показать в двухмерном пространстве книжного листа, поэтому в необходимых случаях мы делали ссылки от одного сюжета (группы сюжетов) к другому.

Всего в "Указателе" учтено более 3000 текстов из восьмидесяти публикаций XIX-XX столетий. При привлечении столь большого материала не могли не обнаружиться сюжетные схождения между разными славянскими традициями. Они специально отмечены в дополнительном указателе сюжетных тем и схождений.

Немаловажную роль в тексте, кроме действия, играют образ персонажа и место, где он находится. Возможно, что нами еще до конца не оценена роль образов персонажей и локусов в сюжетообразовании заговоров. Понимая необходимость и важность изучения персонажей, мест действия и иных повествовательных элементов, мы даем особые указатели персонажей, предметов и локусов, некоторых констант и атрибутов персонажей и предметов.

Автор выражает искреннюю признательность Юрию Ивановичу Смирнову за советы при определении путей систематизации заговорных текстов и Аллу Геннадьевну Шешкен за лингвистические консультации по сербскохорватскому материалу.